

РОССИЯ RUSSIA

о г и о g i

КУЛЬТУРНЫЕ ПРАКТИКИ В ИДЕОЛОГИЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ РОССИЯ, XVIII – НАЧАЛО XX ВЕКА

Составитель Н. Н. Мазур

1999
МОСКВА-ВЕНЕЦИЯ
3[11]

Продюсеры: Витторио Страда, Дмитрий Ишкович

Художник: Сергей Митурич

РОССИЯ/RUSSIA. Новая серия под ред. Н. Г. Охотина.
Вып. 3 [11]: КУЛЬТУРНЫЕ ПРАКТИКИ В ИДЕОЛОГИЧЕСКОЙ
ПЕРСПЕКТИВЕ: Россия, XVIII – начало XX века.
Сост. Н. Н. Мазур. М.: О.Г.И., 1999. – 280 с.

Адрес редакции: Москва, Спиридоновка 20/1, офис 014.
Факс: (095) 203-5006; e-mail: nick@memorial.msk.su

ISBN 5-900241-26-2

© Авторы статей, 1999

© О.Г.И., составление, оформление, 1999

СОДЕРЖАНИЕ

- 7 *Елена Погосян*
Русь и Россия в исторических сочинениях 1730–1780-х годов
- 20 *Евгения Кириченко*
Священная топонимика российских столиц: взаимосвязь
и взаимовлияние
- 36 *Григорий Каганов*
Тело государыни как фактор истории и культуры
(Императрица Елизавета Петровна и строительство Петербурга)
- 54 *Дмитрий Захарьин*
Ольфакторная коммуникация в контексте русской истории
- 71 *Раиса Кирсанова*
Из истории костюма русских императриц
- 82 *Стефано Гардзонио*
Либреттистика Екатерины II и ее государственно-национальные
предпосылки
- 91 *Сергей Кузнецов*
Египтомания графа Строганова, или Кабинет для комиссии
с видом на собор
- 103 *Елена Грачева, Алексей Востриков*
Вагнер, Finkejn, Фигнер и другие
(Опыт комментария к легенде о герое-партизана)
- 128 *Ольга Эдельман*
«Счет Давыдовым»
(Эпизод из биографии поэта-партизана)

Содержание

- 135 *Екатерина Лямина*
Новая Европа: мнения «деятельного очевидца»
(А. С. Стурдза в политическом процессе 1810-х годов)
Приложение
А. С. Стурдза
Записка о нынешнем положении Германии
- 158 *Мария Майофис*
«Рыцари креста»: расшифровка одной политической метафоры
С. С. Уварова
- 164 *Екатерина Ларионова*
Судьба иезуитских школ в России в 1810-е годы
- 173 *Любовь Киселева*
Жизнь за царя
(Слово — музыка — идеология в русском театре 1830-х годов)
- 186 *Вера Мильчина*
Россия в католической и протестантской французской прессе
(«Correspondant» и «Semeur», 1840–46)
- 204 *Ольга Майорова*
Царевич-самозванец в социальной мифологии пореформенной эпохи
- 233 *Ричард Вортман*
«Официальная народность» и национальный миф
российской монархии XIX века
- 245 *Виктор Живов*
О превратностях истории или о незавершенности исторических
парадигм
- 261 *Хенрик Баран*
К проблеме идеологии Хлебникова
(Мифотворчество и мистификация)

Елена Погосян

РУСЬ И РОССИЯ В ИСТОРИЧЕСКИХ СОЧИНЕНИЯХ 1730–1780-Х ГОДОВ

«Что за страна варяги и где
город Тмуторокань?»

Св. Димитрий Ростовский¹

ШИРОКОЕ вовлечение наименования «Россия» в обиход официальной культуры приходится на конец XVII – начало XVIII в. Появление его исследователи относят ко времени Ивана Грозного², но еще в 1660 г. Семион Полоцкий употребляет «Русь» и «Россия» как синонимы в пределах одного панегирического стихотворения³. Приблизительно в это же время в официальной литературе появляется и производное от «Россия» — «росс». «Термин „россы“ в смысле „русские“, — указывает Л. В. Крестова, — впервые употреблен К. Истоминым в „Стихах царевне Софье Алексеевне“ (1682): „Буди <...> блага мати Россов, яко чад духовно питати“»⁴. В начале XVIII в. термин «Русь» встречается лишь изредка, например, у И. Т. Посошкова⁵. В официальных документах петровской эпохи, у Феофана Прокоповича, Шафирова, Гавриила Бужинского, в панегирической продукции Славяно-Греко-Латинской Академии используется исключительно «Россия» и «россы». Такая ситуация сохраняется до конца XVIII в. «XVIII век, — пишет Ю. М. Лотман, — считал исконным и извечным термин „Россия“ <...>. Достаточно просмотреть публицистику и политическую поэзию конца XVIII – начала XIX в., чтобы убедиться в том, что термин „Русская земля“ входит в оборот <...> только после появления „Слова о полку Игореве“»⁶.

¹ Шляпкин И. А. Св. Димитрий Ростовский и его время (1651–1709). Спб., 1891. С. 443.

² Фасмер указывает, что слово «Россия» «происходит <...> из языка патриаршей канцелярии в Константинополе», впервые в русских источниках было употреблено в Московской грамматике 1517 г., «также у Ивана Грозного» (Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М., 1971. Т. III (Муза – Сят). С. 505).

³ Семион Полоцкий. Избранные сочинения. М.-Л., 1953. С. 100–102.

⁴ Крестова Л. В. Отражение формирования русской нации в русской литературе и публицистике первой половины XVIII в. // Вопросы формирования русской народности и нации. М.-Л., 1958. С. 264.

⁵ Крестова. Указ. соч. С. 256.

⁶ Лотман Ю. М. «Слово о полку Игореве» и литературная традиция XVIII–начала XIX в. // «Слово о полку Игореве» — памятник XII века. М.-Л., 1962. С. 3–4.

Эта схема (постепенное замещение термина «Русь» «Россией» и возвращение к широкому использованию наименования «Русь» в начале XIX в.) подтверждается широким фактическим материалом⁷, однако требует некоторых уточнений частного характера. Во-первых, движение от употребления «Русь» и «русский» к «Россия» и «росс», даже в рамках наиболее зависимой от официальных документов и титулатуры панегирической литературы, не было линейным: термин «русский», в отличие от «Русь», то пропадает из употребления, то снова появляется. Так, «русский» наряду с «росс», «российский» мы встречаем, например, в панегириках 1730-х гг. — «*Русское* оружие»⁸, в оде Ломоносова 1741 г. — «десять *русских* швед прогонит?»⁹, у Сумарокова в оде 1755 г. — «Покойтесь *Русских* стран соседы»¹⁰ и т. д.

Во-вторых, этот процесс не был простым вытеснением одного названия другим. Напротив, на протяжении всего XVIII в. идет активное осмысление этих терминов, что отразилось как в прямой полемике по вопросу «о происхождении имени» «народа российского», так и в особенностях употребления слов «Русь» и «Россия» в исторических сочинениях, посвященных событиям IX–X вв. Очевидно, что мы имеем здесь дело не столько с фактом истории языка, сколько с фактом идеологии.

Уже в 1730-х гг. сначала Байер, а за ним Татищев ставят вопрос о происхождении названий «Русь» и «Россия». И если для Байера эта проблема имеет чисто научный интерес (а его сочинение не получило широкого распространения), то в интерпретации Татищева она становится фактом официальной культуры. Особую роль в развитии официальной культуры «История Российская» Татищева приобретает после публикации в 1768–1784 гг., когда она станет доступна широкому читателю. Однако и до публикации «Историей» Татищева пользовались Ломоносов, Миллер, Шлецер, Щербатов и Эмин¹¹.

В «Истории Российской» Татищев уравнивает два термина, прямо декларируя: «Общее всех есть *Русь*, или *Россия*»¹². Однако в том, как он сам употребляет эти названия, заметна определенная тенденция. Так слова «Русь» и «русский» Татищев последовательно использует, если речь идет о прошлом. Он говорит о русских летописях (89), русской истории (81, 84, 89), русской древности (81) и т. д. В то же время, когда речь идет о современных Татищеву событиях (например, об обстоятельствах его работы над «Историей Российской»), он всегда употребляет «Россия»: польза российская (88), ревность к России (88), области России (89) и др. Уже сам характер идиоматики опре-

⁷ Доводы сторонников раннего происхождения терминов «Россия» и «росс» и сосуществования их с наименованиями «Русь» и «русский» начиная с X в. или даже ранее не носят научного характера (свод аргументации сторонников этой точки зрения см., например, в кн.: *Мауродин В. В.* Происхождение русского народа. Л., 1978. С. 148–169).

⁸ Прензобилле императорской милости при благоволенном наступлении 1737-го года <...>. СПб., 1737.

⁹ *М. В. Ломоносов.* Избранные произведения. Л., 1986. С. 79.

¹⁰ Ежемесячные сочинения. 1755. Т. 12. С. 183.

¹¹ *Петити С. Л.* Русская историография XVIII века. Л., 1965. Ч. II. С. 152; *Моисеева Г. Н.* Древнерусская литература в художественном сознании и исторической мысли России XVIII века. Л., 1980. С. 46.

¹² *Татищев В. Н.* История Российская. М.-Л., 1962. Т. I. С. 289 (далее ссылки на это издание в тексте с указанием в скобках страницы).

деленно указывает на связь наименования «Россия» у Татищева с его эпохой. В нескольких случаях Татищев употребляет оба наименования как синонимы: русская (88) и российская (88) география; русский (89) и российский (88) язык.

В целом же, если следовать употреблению, для Татищева существует древняя Русь и современная Россия, то есть два названия государства принадлежат разным эпохам. Этот тезис Татищев формулирует прямо:

«Русь или Руссия есть древнейшее <...> древний руссов город над устьем Ловоти близ Ильменя доднесь Старая Русь, или Руса, знаем; и понеже славяне пришед русами овладели и в них новый город в различие Старой Руси, или Старого Гордорика, Новый град Великий имяновали и тут обитать начали. <...> После же в Степенной книге Макариевой сие, мною, для утверждения имя Россия выкинуто» (I, 286).

«Русы», таким образом, древнее неславянское население территории, которой овладели славяне, от них государство получило свое название.

С приходом славян, по Татищеву, начинается объединение «русов», сарматских¹³ и «татарских» племен в государство, которое получает наименование «Русь», а подданные этого государства называются «русы». С призывом варяжских князей (финских, по Татищеву) язык славян, который был наиболее распространен на Руси, оттесняется финским, но, славянка по происхождению, княгиня Ольга восстанавливает значение славянского языка.

Название же «Россия» восходит к XVI в. Здесь Татищев оказывался перед необходимостью объяснить отношение названия «Россия» к известной теории о роксоланах — древнем народе, к которому историки традиционно возводили русов. Он писал:

«Роксания или Роксолания також по подобию известного издревле в Сарматии народа роксоланов <...> нам присвоили и от того Россия настоящее хотя производств. Но сие имянование от россеяния, а не от роксоланов всем известно» (I, 287).

Появление наименования «Россия» Татищев, таким образом, связывает с ростом территории государства («россеяние»), но его «утверждение» в качестве названия государства рассматривает как результат целенаправленной деятельности Макария.

«Начало же оного хотя весьма от древняго времени производят, но оно не прежде, как в конце царства Иоанна <...> Грозного Макарием митрополитом возставлено. Прежде же, а неколико и по нем, как в титуле, историях и на деньгах всюду Русь имяновано; и сам оный великий государь, как любочестен и к славе монархии прилежен ни был, в речах и грамотах всегда Руссия, а не Россия употреблял. Произвождение же его не потребно толковать, ибо всякому видно, что от разсеяния или пространства народа» (I, 287–288).

Чтобы «утвердить» название «Россия», Макарий обращается к специальным построениям: «Макарий же, хотя свое мнение за непоколебимо утвердить, оное производит от народа или князя *Росса, у Езекия пророка*, в гл. 38 и 39». Однако в «русской Библии», как показывает Татищев, «князь Росс» появляется вследствие ошибки переводчика. «Для сыскания знаменования имени сего, — пишет Татищев, — взял я пять разных на немецкой язык переводы <...>

¹³ Сарматы по Татищеву — финские племена. Так, он пишет: «Сарматского лексикона достать не мог, но <...> из вокабол финских

и естляндских выбрав, лексикон сам сочинил» (91).

в которых во всех <...> Роска нет и вместо Мосох Месох и Месех положено. В еврейском же языке рос значит главу, или верховность. И тако видимо, что оное слово переводчик славенской, приав за имя существенное, непереведено оставил» (I, 288). Таким образом, в основании идеологических построений Макария лежит ошибка переводчика.

«Утверждение» названия «Россия» было, по мнению Татищева, лишь частью идеологической программы Макария. При этом Макарий не только следует чужой ошибке, но и сам искажает факты: «от скудости знания и древности или от лицемерства неколико недоказательных обстоятельств внес» (84)¹⁴.

В основе концепции Макария лежала легенда о происхождении Рюрика: «Макарий пополнил родословие от Цесаря Августа» (231).

«У нас же, — пишет Татишев, — ни в каких старых крониках сего, чтоб род Рюриков от прусов и от цесарей римских произошел, нет; а только известно то, что оную скаску, от цесаря Августа произшествие, <...> перво Глинский, слыша оные басни в Литве, привнес, Герберштейн утвердил, а Макарий Митрополит первый в своей летописи, власно как Астрахань Тмураканию, без всякого от древних доказательства за истинну приняв, положил. <...> Подлинное ж пришествие их является из Финляндии» (291)¹⁵.

Эти идеи Татищева во многом определили его представления об истории наименования «Россия». Во-первых, происхождение термина «Россия» оказывается связано с кругом проблем, ведущих к «варяжскому вопросу» (вопросу происхождения Рюрика). Не случайно поэтому в полемике Ломоносова с Миллером речь будет идти и о «происхождении имени» «Россия»; при этом Ломоносов будет повторять построения Макария, а Миллер — Татищева. Во-вторых, концепция Макария имеет здесь польские (поляков и литовцев Татишев объединяет) корни и, как мы увидим далее, поляки, по мнению Татищева, преднамеренно создают «баснословную» историю России. Макарий же «прельстятя польскими баснями» (371) и «не рассмотря польских гнилых доводов, за истинну принял» (307)¹⁶.

Деятельность «неприятелей наших, яко польских и других», которыми вымышлены «басни и сусчие лжи, к поношению наших предков» (81), Татишев связывает с желанием присвоить себе наименование «Россия».

«Имя Московиа <...> весьма недавно от поляк произнесенное, и от других за неведением было принято. Причина тому, — пишет Татишев, — есть злость и зависть поляков. Когда Руссия от татар разорена и в безсилie приведена была, <...> литва из

¹⁴ Татишев обвиняет Макария также в пристрастном редактировании «Степенной книги», куда митрополит внес поправки относительно приоритета духовных властей перед светскими: «Например, где в протчих написано: посла князь или повеле князь митрополиту или епископу, тут он написат: и моли князь отца своего митрополита или епископа» (125); «Во время царя Ивана Васильевича, Степенную книгу по приказу Макарий митрополит сочинивши, неимоверное написал о древней россиян грубости» (223) и др.

¹⁵ К этим рассуждениям Татишев в своей «Истории» возвращается неоднократно (307, 371 и др.).

¹⁶ Склонность к баснословиям у поляков, в изображении Татищева, сочетается с полным пренебрежением к достойным сочинениям по истории. Так, указывая, что труды Стрыйковского частично погибли, Татишев добавляет: «Разве не осталось ли в Вильне в библиотеке св. Троицы, где довольно древностей находится, да нетсчанне поляков к наукам оное в землю зарывает, ибо не токмо новых сочинений, но сей печатной Стрыйковского Гистории, почитай, сыскать уже невозможно; токмо голанцы, леность поляк засчисчая, сию и другие на польском напечатали» (312–313).

лесов вышед <...> сами князи руские, а по соединении с Польшею *королями рускими писаться стали* <...>. И хотя то свое насилье утвердить, а славу рускую и честь государей умалить, великим князем руским надлежасчей от древности титул дать не хотели, равняя их с удельными князи, по Москве граду престольному московскими имяновали, чего мы никогда не принимали» (289¹⁷). Но поскольку силой поляки титула удержать не могли, то они «употребили лестное коварство ко прельщению» — «стали в историях выводить, якобы сие имя, от Мосоха сына Афетова произшедшее, есть старее, нежели от Росса, у Езекия»¹⁸ (289).

Однако в этом вопросе полякам «прельстить» Макария не удалось — он остановился на названии «Россия».

В академических спорах 1749–1750 гг., которые известны как полемика по варяжскому вопросу, центральной темой стала национальная принадлежность Рюрика и пришедших с ним варягов: Ломоносов считал их славянами, Миллер — скандинавами, впоследствии их отождествляли с пруссами и немцами. Для Татищева сама постановка этого вопроса представлялась ошибочной¹⁹.

«От единого Ноя и его сынов произошли, — пишет Татищев в «Истории», рассуждая о происхождении народов, — убо все равны. Но чтоб можно сказать кто от которого сына пошел, оное весьма сумнительно, ибо чрез так много 1000 лет *народы преходя мешались*, иногда пленниками и покоренными себе размножались, иногда пленением и обладанием от других язык свой переменить и оставить понуждены были <...> все *сарматы и татара обладанные и от других народов издавна в Русь пришедшие, язык и веру переменя*, по языку, ныне употребляемому, славянами или *русскими* из древности быть себя верят» (313). В соответствии с этим, и задача историка, как пишет Татищев, выяснить, «какой народ в том пределе обитал, как далеко границы в какое время распростирался, кто владетели были, *когда и каким случаем к России* приобсчено» (89).

Вся история России, таким образом, видится Татищеву как объединение различных по происхождению племен, а русский для него — потомок руссов (этническая принадлежность которых неизвестна), сарматов-финнов, славян, татар и других народов.

В 1758 г. Ломоносов закончил работу над первым томом «Древней Российской истории» (она была опубликована в 1766 г., через год после его смерти). Для обозначения Древнерусского государства и его населения Ломоносов использует в ней исключительно термины «Россия» и «россы» или «славенороссы»²⁰. Такое употребление прямо связано с представлениями Ломоносова

¹⁷ К этой же теме Татищев еще раз возвращается в «Истории» (312).

¹⁸ Росс, в свою очередь, оказывается одним из братьев — первых славянских князей: «Гогещий <...> сложил басню, яко бы из Кроацши два князя славенские Чех и Лех с роды своими, пришед около 500 лет по Христе, поселились <...>. Но Длугош и Меховий <...> не довольствуясь тем, еше третьего брата или внука Русса прибавили и от него имя Руси производят. <...> Иные же четвертым братом Прусом умножили» (286–287).

¹⁹ Хотя Миллер в полемике с Ломоносовым пытался опереться на авторитет Татищева и, не называя имени (Татищев в письме к Шумахеру специально просил проследить,

чтобы его имя не упоминалось в полемике), ссылаясь на него как на сторонника «сарматской» теории.

²⁰ Исключение составляет несколько употреблений слова «русский» в полемике Ломоносова с Миллером в 1749–1750 гг. Так, он использует «русский» вслед за древними авторами, которые говорили именно о «русах» (например, комментируя названия днепровских порогов, которые Константин Багрянородный дает на «славенском» и «русском» языках). Кроме того, он говорит о русских, противопоставляя их германцам и французам и еще в нескольких аналогичных случаях. Но в целом уже в полемике 1749–1750 г. Ломоносов в подавляющем большинстве случаев использует «россияне» и всегда — «Россия».

о «происхождении народа российскийского», которые наиболее подробно Ломоносов изложил в процессе полемики с Миллером.

Ломоносов полагал, что никакого древнего народа «русь», завоеванного впоследствии славянами (как считал Татищев) или родственного варягам (как полагал Миллер), не существовало: «старинный город, Старая Руса издревле называемый, довольно показывает <...> что прежде Рюрика жил тут **народ руссы или россы**, или по-гречески **роксоланы**»²¹. Ломоносов говорит здесь именно о различных названиях славянского народа:

«Слово **росс** **переменялось** на русс или русь <...> Сие имя иностранные писатели IX в. и позже услышав от поляков, стали россов называть руссами. И сами россы называли себя тем именем долгое время оттого, что столица была сперва в полянех, славенском народе, то есть в Киеве, и великие князи российские нередко польских принцев в супружестве имели»²².

Наименование «руссы» (и, соответственно, Русь), по Ломоносову, возникло в результате ошибки историков, принявших искаженное польским произношением слово за правильное. В свою очередь наименование «роксоланы» возникло из «россы» («россияне») в результате искажения греческими авторами.

Что же касается термина «Россия», то Ломоносов считал его исконным и отвергал его происхождение от «разсеяния»; более того, он видел в такой этимологии оскорбление национального чувства. Начиная свою «Историю», он писал: «Народ российский <...> по толь многих разделениях, утеснениях и нестроениях не токмо **не расточился**, но и на высочайший степень величества, могущества и славы достигнул»²³.

Образование государства представляется Ломоносову, как «соединение разных племен <...> под самодержавством первых князей варяжских»²⁴. Но Ломоносов говорит о «соединении разных племен **российских**»: в отличие от Татищева, он имеет в виду только славянские племена. Рост же «славянского владения» происходит преимущественно как вытеснение других народов. Уже в древнейший период славяне вытесняют скифов: «Народ славенский был весьма храбрый, который преодолел мужественных скифов и с пространых селений **выгнал**»²⁵. Впоследствии «многие области, которые в самодержавство первых князей российских чудским народом обитаемы были, после славянами наполнились». Основная часть чудских племен «уклонилась далее к северу и востоку». Но даже признавая, что часть чудь «соединилась» со славянами, он подчеркивает, что «остатки чудской породы <...> по словесным преданиям **от славенского поколения отличаются**», хотя они и забыли «употребление своего языка»²⁶. Ломоносов не только выделяет чудь как отдельную «породу», но настойчиво отказывается признать какую-либо роль этого народа в формировании российской государственности. Так, на предположение Миллера о том, что этноним «русский» происходит от чудского слова, обозначающего варягов-скандинавов,

²¹ Ломоносов. Полн. собр. соч. : В 11 т. М.-Л., 1952. Т. VI. С. 27 (далее — Ломоносов).

²² Ломоносов. С. 26.

²³ Ломоносов. С. 169.

²⁴ Ломоносов. С. 169.

²⁵ Ломоносов. С. 21.

²⁶ Ломоносов. С. 173. Также изолированно, не смешиваясь с русским населением, живут, по Ломоносову, на территории России пермяки: «Пермяки слышат всегда божью службу на славенском языке уже весьма из давних лет и везде имеют внутри и вокруг своей земли российские города, однако свой язык и доныне сохранили» (Там же).

Ломоносов отвечал, что «едва можно чуднее что представить, как то, что господин Миллер думает, якобы чухонцы варягам и славянам имя дали»²⁷.

Славянами, в представлении Ломоносова, являются и варяги. «*Варяги* и Рурик с родом своим пришедшие в Новгород, *были колена славенского*, говорили языком славенским, происходили от древних роксолан или россов и были отнюд не из Скандинавии»²⁸. Варяги-русь, до того, как были призваны новгородцами, жили по реке Неман, об этом, по Ломоносову, свидетельствует тот факт, что река «Немень <...> к устью своему слывет Руса» (Ломоносов, видимо, полагал, что варяги-русь сначала жили в Киеве, где из-за соседства с поляками их исконное наименование было изменено, потом на Немане и уже отсюда перешли в Новгород). По реке Русе, как считает Ломоносов, варяги-русь жили в соседстве с пруссами (порусами — «жили по руссах или после руссов»). Пруссы были славянами, говорили «языком славенским» (как вся древняя «Курландия»²⁹ и «Голстиния») и, как и варяги-русь, поклонялись Перуну³⁰.

Таким образом, Ломоносов настаивает на употреблении древнейшего наименования — «Россия», когда речь идет о событиях IX–X вв. Он называет жителей России не испорченными польским или греческим произношением «русь» или «роксоланы», а исконным, с его точки зрения, «россы» или «славенороссы». При этом в основе концепции происхождения государства Ломоносова лежит представление о том, что исконное население древней «России» было славянским. Более того, сама возможность происхождения «россов» из «разных племен» кажется Ломоносову унижением национального достоинства и он считает необходимостью специально подчеркнуть, что «в составлении российского народа *преимущество славян весьма явствует*». «Рассуждая о *разных племенах*, составивших Россию, никто не может почесть ей в унижении»³¹ — поскольку роль этих «разных племен» была совсем небольшой.

В 1750–1760-е гг. в русской культуре, таким образом, существовали два противоположных мнения по вопросу о происхождении и исконности наименований «Русь» и «Россия», за которыми стояла проблема поли- или моноэтнического происхождения русского народа и государства. Представляли эти мнения две одинаково авторитетные фигуры. Оба толкования нашли своих сторонников и получили разнообразные интерпретации.

Сторонником Ломоносова (или, скорее, противником Байера и Татищева) был В. К. Тредиаковский. Интересующей нас проблематике посвящено его сочинение, уже заглавие которого указывает на зависимость автора от ломоно-

²⁷ Ломоносов. С. 22.

²⁸ Ломоносов. С. 53.

²⁹ Ломоносов полагал, что «курландцы» — «суть остатки от варягов-руси».

³⁰ В этой связи С. Л. Пештич указывал: «Представление Ломоносова о славянстве пруссов обладало не столько научной обоснованностью, сколько происходило из политической ситуации времени Семилетней войны, когда Восточная Пруссия входила в состав Российской империи. Русский историк, подобно Вольтеру, рассматривая историю как политику, опрокинутую в прошлое, искал в истории

подтверждение прав России на завоеванную территорию. <...> Советская историческая наука не признает, как известно, славянства пруссов. Однако И. В. Сталин на Тегеранской конференции 1943 г., говоря о необходимости для СССР иметь незамерзающие порты на берегах Балтийского моря, считал необходимым добавить: «Тем более, что исторически — это исконные славянские земли» (см.: Тегеранская конференция руководителей трех великих держав // *Международная жизнь*. 1961. № 8. С. 158)» (Пештич. С. 208).

³¹ Ломоносов. Указ. Соч. С. 174.

совской концепции: «Три рассуждения о трех главнейших древностях российских, а имянно: I О первенстве словенского языка перед тевтоническим. II О первоначалии россов. III О варягах русских словенского звания, рода и языка» (это сочинение Третьяковского было опубликовано в 1773 г., после смерти автора). Третьяковский пошел значительно дальше Ломоносова: он причисляет к славянам не только прибалтийские племена, но и скифов, рассматривает славянский язык как самый древний из всех европейских языков, из него он производит наименования практически всех европейских народов (вплоть до «этруски» из «хитрушки»). Соответственно, никакой разницы между «россами» и «русью» он не видит, но предпочитает «исконное» наименование, восходящее к имени библейского князя Росса.

Следует за Ломоносовым и князь Щербатов в своей «Истории Российской от древнейших времен», издание которой началось в 1770 г. Он употребляет здесь исключительно наименования «Россия» и «россиане». Так, Щербатов пишет о «первых обладателях России», российских летописцах, «России прежде крещения», российских князьях, о Киеве — «столице Российской», «российском воинстве»³². Единственное исключение он допускает в отношении «русского языка»³³ (кроме того он, как и Ломоносов, использует «руссы», когда говорит об истории этого наименования). Предпочтение термина «Россия» соответствует и пониманию Щербатовым «этногенеза» россиан.

Щербатов отказывается «по знаменованию имен изыскивать, какие были языки <...> народов, следственно и самым ныне пребывающим нациям начало, от какого либо старобытного народа приписывать»³⁴. Он считает, что упоминания «руси» у древних авторов часто относится к народам, не имеющим отношения к древнему населению России («имя Руссов сим народам не приличествовало»), также, как последние «разумеемы были» под самыми различными именами.³⁵

Однако Щербатов совершенно уверен, во-первых, что говорить нужно не об этнически разных народах, населявших территорию современной ему России, а о различных наименованиях одного народа; во-вторых, что эти племена были славянами. Так, развивая идею Ломоносова о том, что народы, даже потеряв свой язык, сохраняют этническую «обособленность» в преданиях, он указывает, что «Скифы и Славены, первые обладатели России <...> песнями, изустными сложениями <...> память знатных дел сохраняли <...> из чего оставшееся весьма малое повествование о **Волхве, князе Новгородском**, нам истинную сию доказует»³⁶. Общие предания, таким образом, указывают на общность происхождения этих племен. Болтин, оппонент Щербатова, в перечне заблуждений последнего указывает на то, что «Сарматы, Скифы и Славяне» у него оказываются «соплеменны», «о чем в предисловии и во Введении на многих местах утверждается»³⁷.

«Соплеменные» скифы, сарматы и славяне, по Щербатову, говорили на одном языке — славянском. «В начале X веку», — пишет он, — «в **России**, то есть

³² Щербатов М. История Российская от древнейших времен: В 7 т. СПб., 1770. Т. I. С. II, V, IX, XIII, 197, 199, 387, 388 и др.

³³ Щербатов. Указ. Соч. С. IV, V и др.

³⁴ Щербатов. Указ. Соч. С. III.

³⁵ Щербатов. Указ. Соч. С. III–V.

³⁶ Щербатов. Указ. Соч. С. II.

³⁷ Ответ генерал майора Болтина на письмо князя Щербатова, сочинителя Российской истории. СПб., [17] 89. С. 10.

у *Россиян*, Славенский язык был в совершенном употреблении» и он «всегда сходен был с Российским»³⁸.

Таким образом, Щербатов, который считал Ломоносова своим оппонентом в такой же степени, как и Татищева³⁹, в вопросе этнического характера древнерусского государства и регулярном употреблении наименования «Россия» следовал Ломоносову.

В отличие от Ломоносова и Третьяковского, Щербатов считал, что Рюрик и варяги были немцами и пришли из Лифляндии⁴⁰. Но наряду с этим, он полагал, как язвительно излагал его позицию Болтин, что «Кий, Щек и Хорев были Персияне или Арапы, <...> что Гунны <...> построили Киев» и «говорили языком Татарским»⁴¹. Болтин не случайно собирает эти разрозненные у Щербатова замечания в один раздел своего критического разбора. За ними стояло центральное для Щербатова-историка представление о невосприимчивости России к многообразным «экзотическим» внешним импульсам. Особенностью же развития России, напротив, была, по Щербатову, ее способность к внезапным и независимым от внешних влияний переменам. Так, в «Предисловии» к своей «Истории» он писал: «Россия не так, как *другие страны*, которая *по степеням* из грубейшего невежества выходила; но можно сказать, что *вдруг сделала один шаг* из самой грубости <...> гораздо к великому просвещению»⁴². Точно так же, говоря о «повреждении нравов в России», Щербатов удивляется «в коль краткое время» это произошло — и не связывает «повреждения нравов» с иностранным влиянием; ему же принадлежит известная характеристика развития России «исполнинскими шагами»⁴³. Эта концепция не была сформулирована Щербатовым окончательно и требует особого рассмотрения. Однако здесь для нас важен тот факт, что, признавая варяжских князей немцами, Щербатов стремился показать именно непроницаемость для внешних влияний национального быта и независимость от них национальной истории.

Взгляды Г. Ф. Миллера, благодаря непреходящей актуальности «варяжского вопроса», были предметом анализа неоднократно. С. Л. Пештич впервые использовал неопубликованный «Журнал» дискуссии 1749–1750 гг., составленный Миллером. Это позволило ему дать наиболее полную характеристику позиций обеих сторон, участвовавших в дискуссии.

Миллер полагал, как указывает Пештич, опираясь на материалы «Журнала», «что *славяне — народ пришлый*, а „чухонцы“ — народ „тутошний“». «Русь» — «чухонское» слово, которое было названием варягов. «Первые *варяги*, — по Миллеру, — были отчасти датчане, отчасти норвежцы и редко из шведов, но все, однако были готского происхождения». С их приходом распространилось и название «Русь». «Что касается наиболее уязвимого места норманской теории — почему варяжский язык не стал господствующим, уступив место славянскому,

³⁸ Щербатов. Указ. соч. С. IV–V.

³⁹ Он писал: «Елико мне возможно было, я удалялся охулять предшествующих мне Российской истории писателей, покойного тайного Советника Василья Никитича Татищева и господина Ломоносова. Если же мне и случалось от их мнений где ни есть отдалиться, то в сем я последовал вольности республики наук» (Щербатов. С. XIV).

⁴⁰ Щербатов. Указ. соч. С. 105 и 185.

⁴¹ Болтин. Указ. соч. С. 10.

⁴² Щербатов. Указ. соч. С. II.

⁴³ Щербатов М. М. . О повреждении нравов в России. М., 1906. С. 5.

пишет Пештич, — то Миллер объяснял, что славянский язык преодолел варяжский потому, что „славяне варяг числом превосходили“»⁴⁴.

То есть в целом Миллер развивает теорию полиэтнического происхождения «народа российского» — из «чухонцев», варягов-руси и наиболее многочисленной группы — славян. Однако по своим структурным характеристикам тип его исторических построений гораздо ближе к Ломоносову, чем к Татищеву. При всех оговорках, он настойчиво возвращается к идее ключевой исторической роли именно одной этнической группы (к которой он, как и Ломоносов, относит понятие «мы» — современные россияне). Если для Ломоносова это были славяне, то для Миллера такой группой являются варяги⁴⁵.

Так, например, одно из самых серьезных обвинений, высказанных Ломоносовым в процессе дискуссии, состояло в том, что «частые над россиянами победы скандинавов», описанные Миллером, «всей России перед другими государствами предосудительны, а российским слушателям досадны и весьма несносны»⁴⁶. Для Ломоносова «россияне», которых побеждают скандинавы, конечно же, славяне. Отвечая на критику, Миллер пытался объяснить, что в рассказах о народе, который был побежден варягами «речь идет не о нынешних русских, но об обитателях России, которые населяли эту землю до прихода русских и были покорены русскими, или варягами»⁴⁷. То есть в рассказах о поражениях речь идет не о «русских» (и Миллер их «русскими» не называл), а о славянах. «Русские» же — предки «нынешних русских» — варяги, и потому, как пишет Миллер, «славные факты, рассказываемые о варягах, предках великого князя Рюрика <...> относятся как к нам, так и к скандинавам, от которых произошли эти варяги»⁴⁸. Тредиаковский по этому поводу писал: «Что за повсюдное Байерово тщание, приставшее от него <...> к некоторым его ж языка здесь академикам, чтоб нам быть или шведами, или норвежцами, или датчанами, или германцами, или готами, только б не быть россиянами, собственно так называемыми ныне»⁴⁹.

Как и Ломоносов, Миллер использует наименования «русь» и «россы» как синонимы, с той лишь разницей, что связывает их с варягами-скандинавами, а не с варягами-славянами. Правда, следует иметь в виду, что Миллер писал по-немецки, и мы имеем дело с переводами, когда говорим о предпочтении того или иного термина. И тем не менее, можно говорить о том, что Миллер, который просматривал переводы своих работ и часто высказывал недовольство ими, равнодушно относился к непоследовательности использования наименований. При этом, как и у Ломоносова, термина «Русь» для названия государства у него не существует, и «росс» доминируют, когда речь идет о древнем населении «России».

В отличие от Миллера, императрица Екатерина II была последовательной сторонницей Татищева. «Записки касательно Российской истории» Екатерины II, которые печатались в «Собеседнике любителей российского слова» начиная

⁴⁴ Пештич. С. 225, 227.

⁴⁵ Подробное об этом см.: Погосян Е. «По присяжной моей должности, как прямому сыну отечества надлежит...» (Ломоносов в полемике с Миллером). В печати.

⁴⁶ Ломоносов. С. 80.

⁴⁷ Ломоносов. С. 77.

⁴⁸ Ломоносов. С. 76.

⁴⁹ Тредиаковский В. К. Сочинения. СПб., 1849. Т. 3. С. 333.

с 1783 г., в большой степени являются пересказом «Истории» Татищева, на что впервые обратил внимание уже первый их комментатор А. Н. Пыпин. Екатерина часто излагает события или очень близко к тексту Татищева, или прямо переносит татищевский текст в «Записки»³⁰. При этом императрица, в соответствии со своими взглядами и задачами, лишь несколько корректирует концепцию Татищева, упрощает и рационализирует ее.

«Имя *Русь* или *Руссия* хотя с начала *малой части народа принадлежало*, но по том разумом, мужеством и храбростию того же народа повсюду распространилось <...>, — почти дословно следуя за Татищевым, указывает императрица. — Предел един от Финляндии к востоку до гор поясных, и от Белого моря к югу до Двины и Полоцкой области: и тако вся Карелия, вся Лапландия. Русь Великая и Поморье с нынешнюю Пермью, *имяновалась Русь до пришествия Славян*»³¹.

Славяне пришли на Русь, как считает Екатерина (и здесь она уже следует своим собственным построениям), ранее 480 г. До этого они «на востоке, юге, западе и севере обладали толикими областями, что в Европе едва осталась ли земля, до которой не касались»³². С приходом на Русь славян получает распространение славянский язык. «Славяне задолго до Рождества Христова письмо имели, — здесь Екатерина вновь корректирует построения Татищева. — Разпространением и умножением Славянского языка доказывается разпространение Славянского народа. До времен Рюрика почти вся *Россия* уже Славянским языком говорила»³³.

Призывает варяжских («урманских», то есть норманских, по мнению Екатерины, но состоящих в родстве со славянским князем Гостомыслом) князей союз племен «Славян, Руси и Чуди»³⁴. В «Историческом представлении из жизни Рюрика» Екатерина, следуя «Повести временных лет», дополняет этот список: «Славян, Русси, Чуди, Веси, Мери, Кривич и Дрягович». Рост государства Екатерина представляет себе именно как «соединение» народов. «*Руссы*, — пишет она, — *со Славянами смешався*, за один народ почитаются. <...> Славяне-Русь чрез признание Варяжских Князей, <...> *со Варягами соединились*»³⁵. Способность Славяно-Русского государства «соединяться» с другими племенами, расширяя свои пределы, Екатерина II проецировала на современную ей Россию и, видимо не без гордости, писала о варягах: «Славяне-Русь приобрели в сем соединении <...> искусных мореходцев и *предприимчивых и умных Князей* и вождей»³⁶.

В «Историческом представлении из жизни Рюрика» конфликт Вадима с Рюриком³⁷ прямо связан с попыткой славян противопоставить себя другим племенам. Вадим здесь обращается к «Старейшинам от славян», напоминая им, что славяне привыкли повиноваться «единокровным» — славянским кня-

³⁰ Нужно иметь в виду, что в намерения императрицы входило именно составление краткого руководства по истории, которое она намеревалась «собрать» из уже имеющихся трудов; в тексте своей истории она прямо называет себя «собираетел сих записок» (Сочинения императрицы Екатерины II: В 11 т. СПб., 1901. Т. VIII. С. 6).

³¹ Екатерина II. Т. 8. С. 13.

³² Екатерина II. Т. 8. С. 13.

³³ Екатерина II. Т. 8. С. 12.

³⁴ Екатерина II. Т. 8. С. 10.

³⁵ Екатерина II. Т. 8. С. 15.

³⁶ Екатерина II. Т. 8. С. 21.

³⁷ Мы сейчас оставляем в стороне всю проблематику права на власть и престолонаследия, которую Екатерина связывала в своей драме с этим сюжетом.

зьям. Он подчеркивает, что славяне — именно завоеватели («Славяне, пришед с Дона, Руссами овладели»). На этом основании Вадим считает, что только он — славянский князь — должен занять место Гостомысла. Однако мудрые старейшины считают, что все племена в одинаковой мере влияют на будущее «Руссии»: «Не наше одно согласие на то нужно, кроме нас есть Руссы и Чудь...<...> И Эсси и Мери...<...> И Кривичи и Дряговичи». После отказа старейшин, Вадим обращается к ним с гневной речью: «Подите отсель, **соединитесь с прочим народом**»⁵⁸. Но именно в «соединении» разных племен Екатерина видит будущее «Руссии».

Еще подробнее взгляды Екатерины были изложены И. Болтиным в его критических разборах «Истории» князя Щербатова⁵⁹. При этом Болтин излагает именно екатерининскую версию концепции Татищева, конкретизируя (и тем самым иногда утрируя) положения, высказанные императрицей в «Записках» и исторических драмах.

Болтин полагает, что «пространство нынешняя России» до прихода славян населяли сарматы (вслед за Татищевым сарматами он называет финские племена). Среди этих племен было племя «Руссов», которые «язык имели сходной» с другими сарматскими народами⁶⁰. Этот язык «в Новгороде и в Киеве в начале Российской Монархии <...> был в употреблении»⁶¹. Часть руссов со временем «смешалась» с варягами «по чему и стали называть их **Варягоруссами**, в отличие от тех Варягов и **Руссов**, которые были не смешаны» и «язык **русский** с варяжским <...> сделался сходен»⁶². Славяне, завоевав руссов, «заставили их по нужде говорить своим языком», но положение, по Болтину, вновь меняется с призывом Рюрика и его братьев: «русской <„сарматский“», финский — Е. П. > язык сделался преимущественным в княжестве Новгородском, потому что Рюрик, будучи сам от Русакого рода, более Руских и Варяг уважал»⁶³. «От самого того времени вся страна сия называться стала Русью»⁶⁴.

Вслед за Екатериной, Болтин рассматривает выступление Вадима против Рюрика именно как выступление «недоброжелательствующих» славян и, следуя Татищеву, относит конец «унижения» славян ко времени правления Ольги⁶⁵.

Болтин, таким образом, концепцию полиэтничного происхождения «русской народности» дополняет еще и представлением о сосуществовании по крайней мере двух языков на Руси: «оба сии языки долгое время были в общем употреблении <...> и Руссы и Славяне оба разумели, как и до ныне в Олонце все Русские умеют говорить по Корельски и все Корелы по Руски»⁶⁶. «Усиление» же славянского языка и «уничтожение» русского Болтин связывает с крещением

⁵⁸ Сочинения императрицы Екатерины II. Спб., 1901. Т. II. С. 224, 225–226.

⁵⁹ На тот факт, что Болтин писал не просто под влиянием концепции Екатерины II, а при ее участии и, фактически, по ее заказу, исследователи указывали неоднократно. Так, например, Т. В. Артемьева пишет: «Хотя «История» Щербатова была далека до завершения, <...> нежелательные трактовки событий привели к определенным «профилактическим» мерам со стороны Екатерины II. <...> Довольно часто Екатерина <...> писала в защищенном» сама, порой поручала кому-нибудь из своего окружения. Так

появились «Примечания <...> сочиненные генерал-майором Иваном Болтиным» (Артемьева Т. В. Русская историософия XVIII века. Спб., 1996. С. 42–43).

⁶⁰ Болтин. Указ. Соч. С. 70, 78.

⁶¹ Болтин. Указ. Соч. С. 80.

⁶² Болтин. Указ. Соч. С. 82.

⁶³ Болтин. Указ. Соч. С. 83–84.

⁶⁴ Болтин. Указ. Соч. С. 84.

⁶⁵ Болтин. Указ. Соч. С. 84.

⁶⁶ Болтин. Указ. Соч. С. 86.

Руси, когда на язык славян были переведены «церковные книги». Язык Нестора Болтин считает «испорченным Славянским»: испорченным от смешения с «русским» («сарматским») языком.

Болтин, таким образом, стремится показать, что ни «русский язык», ни племена «руси», ни наименование государства «Русь» исконно не имели никакого отношения к современному ему понятию «русский». И, вслед за Татищевым, он формулирует полиэтническую теорию происхождения народов.

Новые народы и новые языки, указывает Болтин, происходят «от смешения» и в этом история славян и руссов не является исключением. «Славяне совокупившиеся с Руссами, Чудью, Кривичами и другими Сарматскими племенами во един сонм, во едино тело, чрез несколько веков составили из себя новый народ, от обоих нечто заимствующий, но ничего общего ни с тем, ни с другим не имеющий; внешние токмо знаки <...> русость волосов и белизна кожи»⁶⁷.

Таким образом, можно определенно говорить о том, что выбор терминологии в исторических сочинениях XVIII в. не был случайным. Большинство историков (Ломоносов, Миллер, Третьяковский, Щербатов; к ним можно добавить Эмина, Чеботарева, Елагина) используют, говоря об эпохе Рюрика, наименования «Россия» и «росс». Для них древний и современный им «народ российский» (независимо от того, признаются предки славянами или, как у Миллера, варягами) — это один и тот же народ.

Термин «Русь» как наименование государства встречается в исторических сочинениях значительно реже (у Татищева, Екатерины II и Болтина). Оно всегда производно от названия неславянского народа «русь». Это ведет историка к представлению о том, что «современные россияне» — потомки самых разнообразных народов. Использование термина «Русь» парадоксальным образом оказывается, как мы видели, знаком концепции, в рамках которой «русский» (народ или даже язык) исконно не является русским.

⁶⁷ Болтин. Указ. соч. С. 91.

